

Содержание цикла «Старый Свет»:

Книга 1. Поручик

Книга 2. Специальный корреспондент

Книга 3. Атташе

Книга 4. Флигель-Адъютант

Евгений Капба

Старый Свет
АТТАШЕ
КНИГА 3

RUGRAM

УДК 82-312.9

ББК 84.4

К20

Капба Е.

К20 Старый Свет. Книга 3. Атташе / Е. Капба, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 284 с. — (Старый Свет).

ISBN 978-5-521-91101-1

Приключения безымянного экс-поручика продолжают! Впереди — полные ветра паруса, далекие берега, копоть и дым, стрельба из револьверов, прекрасные незнакомки, прожженные негодяи и закадычные друзья, сумасшедшие изобретатели и неудавшиеся властелины мира... Должность военного советника мятежной Конгрегации и одновременно — имперского атташе, как оказалось, предполагают выполнение миссий весьма странных, в том числе — в странах весьма отдаленных...

BIC FM

BISAC FIC009000

© Евгений Капба, текст, 2023

© ИДДК

© RUGRAM, оформление, 2024

© Т8 Издательские технологии, 2024

ISBN 978-5-521-91101-1

Часть первая

Глава 1 Кафры и каннибалы

Памяти Алексея Толстого

Солнце пекло в самую макушку, в пронзительно-голубом небе не было видно ни облачка. С диким воплем мимо пролетела пара диковинных ярко-алых птиц с пышными хвостами и скрылась в ветвях худосочных казуарин, которые росли у самого края импровизированного плаца.

— Ать-два, левой! Левая нога где? Это какая, едрить твою в качель, нога? Во дают, черти! Они где право-лево не разумеют! — тарашил глаза вахмистр Перец. — Это не строевая подготовка, это хрень собачья!

— погоди разоряться, вахмистр! Вот, гляди, как у нас на флоте ребят из пердей учили. — Дыбенко был тут как тут.

Неугомонный старшина взял в одну руку связку сушёной рыбы, в другую — местные сухие и перченые колбаски. Он прошёлся вдоль строя несчастных кафров, пытающихся освоить военную науку, и сунул в левый карман полотняных штанов каждого из добровольцев по колбасине, в правый — по рыбине.

— А теперь давай, вахмистр! Рыба -колбаса! Рыба -колбаса!

— Р-р-р-рыба! — зарычал Перец на наречии гемайнов, и кафры неуверенно топнули правой ногой. — Кол-баса-а-а!

Дело пошло веселее. Дыбенко закурил и подошёл ко мне.

— А что? Это ещё первый император придумал, когда армию нового образца создавал.

— А старого образца плохая была? — хмыкнул я и сморщил нос от ядрёного запаха махорки.

— А чо-орт его знает, — пожал плечами Дыбенко. — Вы вон нас и старорежимными ухватками раздолбали, как бы наши уполномоченные там ни изгалялись. С другой стороны — Старая империя и Новая империя — это две большие разницы, как говорят в Яшме. При старом режиме тошно мне было, душно! А сейчас как будто у народа второе дыхание открылось...

— Или начали ценить то, что имеют, после того как кровь друг другу пустили? — спросил я.

— Та-а-ак, отца-командира понесло в философию. Надо с этим что-то делать.

— Надо выпить, — вырвалось само собой, и мы с Дыбенкой, оставив пять сотен кафрских добровольцев на попечении ретивых легионеров, которые явно получали удовольствие от процесса, отправились в палатку промочить горло.

В глаза мне сыпануло, на зубах заскрипело. Подул знойный северный ветер. Суховой залетал в предгорья из ущелий, принося песок и жар Сахеля в благодатные долины Наталя. Следом за жарким ветром по нашу душу шли каннибалы, науськанные людьми Грэя. Как докладывала разведка, федералисты сулили им все земли по самую Руанту, которая станет границей между аборигенами и Федерацией. Залитые водкой, увешанные стеклянными цацками и яркими суконными тканями, снабжённые устарелыми ружьями и несколькими дульнозарядными пушками, вожди каннибалов двинули своих воинов в поход — покорять плодородный Наталь, резать семя бородатых демонов-гемайнов и выжигать на корню недочеловеков-кафров. У нас был месяц или полтора до пришествия орды, не больше.

А ещё у меня была бутылка мадеры, початая. Чпокнула пробка, забулькала бордовая жидкость в алюминиевых

облупленных кружках. Дыбенко выпустил аккуратное колечко дыма.

— Гляди, как научился! — похвастал он.

Я в ответ нарочито-восхищённо закатил глаза и поднял сосуд с мадерой вверх:

— Будем?

Дзинь — звякнули кружки.

— Сожрут они нас, как думаешь? — спросил я.

— Подавятся! — откликнулся Дыбенко. — Мы на вкус противные.

Коммандо гемайнов проводили манёвры в вельде на границе с Федерацией. Война должна была вспыхнуть вот-вот, но Виктор ван дер Стааль не рисковал отдать приказ атаковать передовые посты и гарнизоны зуавов — это было чревато большими репутационными потерями. Ну да, тот же Альянс или Арелат вряд ли что-то переубедит — они были целиком и полностью на стороне нового божества всей прогрессивной общественности, президента Артура Грэя. А вот сочувствующие из империи и Протектората могли наморщить носы и сделать «Фе!», если бородачи примутся без видимой дай-причины изничтожать врагов. И это «Фе» грозило выйти боком — меньше добровольцев, меньше оружия, меньше дипломатического прикрытия. Конечно, была трагедия Сан-Риоля. Но Сан-Риоль это не Наталья и никогда им не был.

А потому коммандо патрулировали вельд в полной боевой готовности и не могли сняться и прийти сюда, к нам, в предгорья. Федералисты только этого и ждали, чтобы лютые конные стрелки гемайнов отправились воевать с каннибалами. Колонны под ультрамариновыми знамёнами с золотым солнцем тут же двинулись бы через Лилиану, грохоча

сапогами и лязгая артиллерийскими лафетами.

Поэтому Стааль и другие лидеры гемайнов обратились к нам — военным советникам и добровольцам из иностранного легиона. Впервые за десятки лет кафры изъявили желание принять участие в защите родины. Очень уж большое впечатление на мирных пейзах произвели рассказы риольцев, которые прибыли в Наталь на пароходах и были расселены по краалям всей страны. Теперь мне казалось, что хитрец-архиепископ поступил так не случайно. Слезы маленьких девочек и глухие проклятья мужчин, понюхавших пороху при защите родных домов, ныне сожжённых, действовали на и без того патриотически настроенное население куда эффективнее, чем сотни пропагандистских речей и броских газетных заголовков.

Так или иначе, общины кафров постановили выделить от каждых пяти семей по одному неженатому парню на подмогу хозяевам, чтобы оборонять рубежи Наталя от безбожных федералистов и чудовищных каннибалов. Они думали, что будут строить укрепления и подносить патроны. А гемайны, тоже впервые в истории, дали кабрам в руки винтовки.

— Как они будут стрелять в людей? — спросил я минеера Бооту, который координировал наше взаимодействие с кабрами. — Им же жалко!

— Они послушные. Из них не получатся воины, да. Но я уверен, вы сможете воспитать из них солдат.

Воин и солдат — это не одно и то же? Интересная и спорная мысль! Но пока что всё говорило в её пользу.

Коричневые босые ступни месили пыль, винтовки в крепких молодых руках кафров вздымались вверх, прикладывались к плечу и — щёлк-щёлк — клацали затворы.

— А-а-а-агонь!!! — кричал по-имперски вахмистр Перец, и сотни пальцев вхолостую тянули за спусковые крючки.

Патроны им раздали только дней через десять.

Если Боота был прав, муштра и привычка повиноваться команде на самом деле должны были стать для покладистых кафров подходящим способом превратиться в силу, могущую противостоять диким ордам каннибалов.

Дыбенко, Перец, Фишер и ещё дюжина легионеров скорым маршем вели нашу полутысячу кафрских добровольцев к ущелью Ланге гуут, Длинная кишка. Я формально никакой должности не занимал, поскольку к иностранному легиону приписан не был, но курировал весь процесс формирования добровольческих кафрских соединений и должен был предоставить подробнейший отчёт об их эффективности. Точнее, два отчёта. Даже три — в «Подорожник», лично Стаалю и незабвенному Артуру Николаевичу, конечно.

Десятью верстами восточнее такой же отряд низкорослых коричневокожих стрелков выводили на позиции Стеценко, Панкратов и Лемешев. Западнее верховодили Вишневецкий и Демьяница вместе с каким-то лихим парнем из бывших лоялистов, Хлыновым.

Три недели, ровно столько продлилась подготовка кафров. Ровно столько же я в своё время успел поучиться в юнкерской школе — когда это было?.. И потому совершенно точно мог сказать — этого едва-едва хватало, чтобы стать мало-мальски годным солдатом. И совершенно недостаточно, чтобы превратиться в настоящего офицера. Я, например, так никогда им и не стал, оставшись тем, кем и являлся — рефлексирующим интеллигентом. Не было во мне той пресловутой военной «белой» косточки, такой, как например, в Вишневецком.

Дорог тут уже не было, только направления. Впереди двигались абиссинцы во главе с Тесфайе — наша разведка.

Они сигналили зеркальцами с холмов, обозначая, что путь свободен. За ними поросшую чапарралем равнину топтали босые ноги кафров и сапоги их командиров-наставников — легионеров. А замыкали движение мощные гемайнские фургоны, с толстыми бортами, горчичного цвета тентами и высокими колёсами, обитыми кованым железом. Патроны, много патронов, и драгоценный пулемет, эта священная корова Перца и Фишера — вот что тащили работяги-мулы.

Мы все вкалывали как мулы, и я вспомнил своего товарища по несчастью, покойного Вольского, земля ему пухом. Двунogie мулы — так он и говорил. По спине мне лупил точно такой же, как и у всех кафров, вещмешок, битком набитый припасами, на плечо давила винтовка, по бедру шлёпала малая пехотная лопатка, чтоб её, а из-под фуражки текли соленые струйки пота, задерживаясь капельками на грязном носу и щеках, орошая страдающую от жажды сухую почву вельда.

Кафрам было хоть бы хны. Шли себе и шли, уминали пятками побеги кустарника и редкие травинки. Кажется, они даже не потели.

Как белые сахибы, мы могли бы ехать в фургонах. Но мы не были белыми сахибами-лаймами. А ещё могли бы гарцевать вокруг колонны на горячих жеребцах, но мы не были и бородачами-гемайнами. Мы имперцы и пехота, а потому месим землю вместе с этими молодыми ребятами, которые поглядывают на нас время от времени и одобрительно шушукуются.

— Это вы пехота, а я моряк! — скорбно затягивался папирсой Дыбенко. — Видал я ваши сапоги...

— А в тундре на лыжах рассекал и не жаловался, — утёр я пот со лба.

— Так там снег! Снег — та же вода, смекаешь? Вода моя стихия! — Его чуб спадал на лицо слипшимися прядями, но глаза глядели всё так же задорно.